

Дом-корабль: ПОЭЗИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЖИЗНИ

Я не сторонник того, что искусство отображает жизнь. Я также не сторонник того, что жизнь подражает искусству. Для меня жизнь и искусство также неразрывны, как форма и содержание, поскольку жизнь есть постоянное сотворение форм на всех уровнях, от микро- до макрокосма, и все во вселенной направлено на создание причудливо меняющегося полотна мироздания. Бог ли, человек ли, камень ли, птица ли — все, хотя и в разной степени, вплетает свой узор в канву вечности.

Поэт и художник делает то же, что и остальная природа — создает собственный мир отношений между всем сущим и не-сущим, мыслимым и немислимым. И моя поэзия не является исключением. Порой она переносится в мир житейских отношений, но и тогда не превращается в фотоальбом, лишь делается ближе и доступней по замыслу тем, кто не уносит-ся мыслью в безначальность космоса.

В дождь сильнее привязанность к дому
Дольше улицы вьются к теплу, —
Придается значенье подъему
И разрытой трубе на углу.
В дождь все земли приходят к единству
По слезе, по струе, по реке —
По земному размазавшись диску —
И молчат на одном языке.
Как с педали не снятая нота,
Резонируют капли в окно.
В дождь всегда вспоминается что-то,
Что, казалось, просохло давно.

...Жизнь в маленькой кухне с окном на соседнюю пятиэтажку, похоже, подходила к концу. Тетрадь уже несколько дней задумчиво лежала на кухонном столе и смотрела на лампу своими пустыми страницами. Комнаты были почти разобраны, а чемоданы почти собраны, но легкость комнат все равно перевешивала пузатость чемоданов, потому что в комнатах обитала вся прошлая жизнь. Все уже решено, но от этого не становится понятнее, как переступить, переплыть, перелететь через то, что навсегда слито с тобою.

Где-то тихо движется отец — никогда, никогда он так тихо не пересе-

кал комнат! — и буйно бегают по освободившемуся пространству ребенок — и он так никогда не разыгрывался раньше. Мы покидаем отца, который приедет позже, всего через год, но этот год будет уже не годом, а вехой, эпохой... Время меняется на глазах вместе с пространством, лопается по швам, и сквозь него прорезаются звезды, совершенно не те, к которым мы привыкли. Отцу нестрашно — он знаком со всеми звездами в разных частях земного шара. Так мне хочется думать, иначе — никогда не оставить этой кухни и навсегда прирасти к табуретке у стола с побледневшей тетрадью.

Звоню Ахмадулиной. Книга моих стихов с ее предисловием, готовившаяся к печати, уже никогда не выйдет в Одессе. Она поднимает трубку.

— Я попрощаться.

— Верочка, все будет хорошо, — без лишних вопросов тут же отвечает она.

— У вас все будет замечательно, — повторяет она уже с другой интонацией, как будто знает то, чего не знаю я.

Ну, все. Теперь только нужно пережить глаза отца в момент прощания. Одиннадцать вечера. Собираются друзья. Приходит Елена Куклова, ведущая актриса Одесской филармонии, наша добрая приятельница. Вместо традиционного прощания — чтение стихов. Лена открывает мою рукопись с предисловием Ахмадулиной и читает. Ночь медленно наполняет комнаты черными чернилами. Ребенок уснул на чемоданах в ожидании автобуса.

1

Дом начинен до отказа друзьями.

Три часа ночи. Последний друг —

самый забытый, самый, самый,

из детства, из глупостей, с кем адресами

никогда не обмениваются, и не испытывают мук

по этому поводу (следуя нормам

общепринятым — было и нет),

раскручивая на палке растопыренный кед,

решится,

войдет.

И дом будет взорван.

2

Вена еще далека.

Автобус подъехал к дому.

Каждому — два глотка
Воздуху или рому
Из опухолевых фраз,
Растущих в том, характерном
Направлении для метастаз.
Автобус заводится в нервном
Стремленьи рвануть.
Сейчас!..

3

Посредине черной ночи —
Руки поднятые ввысь.
Посредине черной ночи —
Кто простишь, а кто — молись.
Посредине черной ночи
То ли падал, то ли плыл
Дом опустошенный отчий
Сквозь ладоней млечный тыл.
Восклицанье "Вена! Вена!"
Заставало вновь враспloch
И, как скрытая каверна,
Прожигало каждый вдох.

4

Автобус юлит над обрывом.
Дорога к границе — что к Господу на суд.
По таким неправдоподобным извивам
Лишь ангелы смерти преставленного несут
По его же замирающим мозговым извилинам.
Каждый чувствует себя распиленным
Или расколотым вследствие грандиозной аварии
На левое полушарие
И на правое полушарие.

Эти стихи напишутся позже, в Италии.

Все. Дорога катит вперед, а ты смотришь назад. И это вопреки себе же самому, стремящемуся вперед и выбирающему дорогу.

"Люди покидали Россию, люди покидали Украину, люди покидали, покидали, покидали... Их дома какое-то время смотрели остекленевшими взглядами на подмерзающие сумеречные дороги, как смотрит недолго тело вслед душе. Но вскоре окна теряли интерес ко всему внешнему и, вытянувшись по стенам, равнодушно и мутно отражали улицы.

Люди покидали свой обжитой мир, а он все равно вскакивал в последний миг на подножку автобуса и прижимался к коленям сумками и одеялами.

— Господи ты, Боже мой! — вздыхал кто-нибудь во сне, ощущая тепло этого сбежавшего и прильнувшего мира." ("Пески Нахэма" из книги "Дом и его обитатели".)

Дом — один из центральных образов в моей поэзии и прозе. Его символика сближена с деревом жизни, с мифологическим космосом, где бытие проникает быт, видоизменяет его и поднимает на уровень осмысленности. Осмысленное бытие Дома делает его обитателей значимыми и самодостаточными, неподвластными разрушительному воздействию стихий. Само перемещение в пространстве — это движение не *из* Дома, а *с* Домом. Но происходит это отнюдь не автоматически. Процесс обрастания Домом так же медленен и мучителен, как процесс возвращения в себя после длительного беспамятства.

...Стою под ночным итальянским небом с его низкими звездами и стараюсь отыскать ту маленькую звездочку, всегда сопровождавшую меня в Одессе. Либо смотрю не туда, либо мир значительно сместился с оси. Смотрю еще раз. Ничего нет. Потеря звезды все равно, что потеря отражения в зеркале.

Страшно не то, что оставлен дом
И роздано прошлое неизвестно на чью потребу,
А то, что чувствую себя, как фантом,
Меж созвездий, расставленных по новому небу.
Каждый мой последующий шаг
Все дальше уводит от привычного ориентира,
А инакомыслящий Зодиак
Переворачивает основы мира.
Закрываю глаза, возвращаю себе небосвод,
Где созвездия — как бесформенные скопления.

Ночью звезды России не складываются в аккорд,
Коль от каждой отлучают гения.
Итальянское небо, в котором себя не найти,
Хоть возьми телескоп и обследуй квадрат за квадратом.
Так умерший, проплавав еще в бытии,
Не поняв, что к чему, не распавшись на клетку, на атом,
Наконец-то умрет, потрясенный, возле белых зеркал.
Белых-белых, как шок отразившихся близких.
Так и я, задрав подбородок, чтоб исполнить вокал,
В этом зеркале жизни не вижу самой вокалистки.

Помню, как уже будучи в Америке, я послала Инне Богачинской эти стихи, написанные в Италии. Она откликнулась на них с восхищением, а потом часто цитировала строчку из них на свой лад: "меж созвездий, расставленных по чужому небу".

— Инночка, — поправляла я, — не по "чужому", а по "новому".

— Нет, — отвечала она, известная своей блестящей памятью, — для меня — "по чужому".

И это принципиальная разница в нашем мировосприятии. Я никогда не подхожу к неизвестному с точки зрения оппозиции "свой-чужой". Моему Дому категорически противопоказаны подобные отношения с пространством и временем.

Вообще же, мой Дом — это корабль, плывущий в туманностях и млечностях жизней, однажды посетивших его.

В этом доме,
Как в старинном альбоме —
Много комнат-страниц,
И предметов, и лиц —
Каждый день всех приветствуй и помни.

Он растет в ширину, высоту и длину,
Этот дом, никогда не идущий ко дну,
Не меняющий курса корабль.
Он несет в синеву за главою главу,
И покуда живу — он всегда на плаву.
Лишь со мной только встанет на якорь.

Первые месяцы жизни в Америке... Посторонним вход не воспрещен, но от этого не перестаешь чувствовать себя посторонним или, точнее, *сторонним*: ты — сторонний наблюдатель, который, хотя и окружен новой жизнью, но еще не включен в нее. Ты ходишь по улицам и магазинам, и предметы разглядывают тебя, как диковинку, и хотят познакомиться с тобой поближе, понять, что ты за штука.

Вечер в комнаты уплыл
С видом домочадца.
Ель качнулась у перил,
Думала подняться,
Посмотреть хотя бы раз,
Как живется там у нас —
В нашем надземелье.
Все равно, что мир теней,
Не имеющий корней,
Были мы для ели.

...Так и не вошла ко мне.
Равлик-павлик спал в чалме.
Пела церковь на холме.

Ощущение собственной инопланетности было особенно остро в первую зиму, которая лавиной накатила на город, затихший на своем непонятном языке. Был январь, начало года, которое совпало с началом нашего переселения. Мы — переселенцы, блуждавшие по вселенной в поисках своего пристанища. Вот оно, наше пристанище, плотно облепленное то ли снегом то ли инопланетным небом, выпавшим с утра на город. Если бы хоть строчку написать! Тогда бы пристанище медленно стало превращаться в дом. Я знаю, знаю наверняка. Но строчка не пишется. Белизна инопланетного листа погребла все строчки...

Строка не выписывалась,
а разглаживалась вдоль,
Как график затухающего сердца,
И предметы в комнате умножались на ноль
Их бессловесного владельца.
Начинался снегопад

На планете Нептун.
Подгулявший прадед
Залезал в карету.
Астроном
С расстояния в тысячу лун
Наблюдал за ним
И стряхивал сигарету.
Пепел скапливался
На поверхности Земли,
И ветер сдувал его в открытое пространство,
Засыпал планеты и наезженные колеи,
Для воскресших не оставляя шанса.
Комната зияла посреди миров,
Как след от недавнего инфаркта
В результате нерассчитанной розы ветров
В середине марта.
Хлопья мельчили под фонарем,
Словно поколения под оком истории,
И восстанавливались в конус, острием
Направленный в пол обсерватории.
Ветер целился, как старомодный актер,
И повышал нарочито голос
Перед тем, как дунуть в упор
В пепловидный конус.
И хозяин дома принимал к стеклу,
Когда ветер атаковывал дом с фасада,
И представлял кого-то,
Кто катил во мглу
Инопланетного снегопада.

Фантазмагория продолжалась. Лето накатило той же сумасшедшей лавиной, что и зима, с той только разницей, что лавина состояла из ярких цветений и огненных насекомых, облепивших окна и деревья, и плотных небес, выкачавших воздух из легких покрытого испариной города.

Ныряет ночь
В узорах и изломах
Под тяжесть разодетых насекомых.

Панбархатом обшитое крыло
Дородной бабочки дает внезапно промах
И возмущенно бьется о стекло.
Феерии бессчетных светляков,
Что мчатся на огни особняков,
И разлетаются на мелкие осколки,
И сыпятся на травы и на елки.
Достигнуты заветные места.
Но как же и кому досталась та,
Другая жизнь, в нехитром до-мажоре
Проигранная запросто, с листа?
Опасный аромат любви и скорби
Разлит по дому, и жуки-гиганты
Штурмуют окна замкнутой веранды,
Запаянной, с их точки зренья, колбы,
Откуда ты, должно быть, приходишь —
Второй судьбы искусственный зародыш.

Ощущение искусственности собственного второго зарождения не покидало в течение всего года и закончилось только с приездом отца, когда вдруг пришло осознание, что это все незаметно стало домом, по комнатам которого теперь нужно провести его, вновь прибывшего. Следующее лето уже не было столь оглушительным, оно больше не накатывалось на Дом в стремлении снести его буйностью форм и красок. Дом постепенно прорастал корнями в новую почву, в которой зарождалась красота.

Настежь окна. В комнате прохлада.
По ту сторону большого дома —
Пекло, раскаленный блок фасада
И травы горелая солома.
За окном блуждает сад по стенам
Крохотного дачного квадрата,
По зелено-золотистым венам
Льется магма солнечного яда.
Слепо разбегаясь, с долгим соло
Хлещет муха по оконной раме.
Будто дети, разыгрались пчелы
Возле чашки и горшков с цветами.

Полумрак в зашторенной гостиной,
Чуть скрипят разошедшиеся стулья,
И на полке Бог с лозою винной
Пролил кубок на венок июля.

На новой земле мир пошел навстречу Дому, а Дом — навстречу миру. Помню, как-то раз мы гуляли с мамой по парку в Филадельфии, и она вдруг стала рассказывать о том, как будучи ребенком лежала в траве и представляла себе тайную жизнь цветов и насекомых, придумывая различные истории с приключениями и интригами. Это был момент, перевернувший мое видение мамы. Как в сказке о золотом ключике, за привычной картинкой очага оказалась дверца, ведущая в мир неведомый...

Что остается в памяти, после того, как наши родители покидают нас? Внешние эпизоды? Да, и они дороги нам, поскольку слиты с нами, нашим детством, юностью и взрослением. Но ведь помимо внешних событий, помимо привычных вопросов об учебе, работе, а позже — внуках, было еще что-то, вернее — еще *кто-то*, созерцающий звезды и морские приливы, и уносящийся мыслью за пределы обыденного..

Когда-то Наталья Васильева, литературный критик, заметила, что в моем творчестве много метафор, связанных с миром насекомых и трав.

— Откуда это? — поинтересовалась она.

— Не знаю, — пожалала я тогда плечами.

А теперь вот волшебная дверца отворилась, и я оказалась на нашей с мамой изумрудной планете с бархатными бабочками и прозрачными стрекозами, и случилось это после того, как я начисто отказалась обсуждать житейские темы во время нашей прогулки... Так я обрела еще одну комнату своего Дома — самую драгоценную.

Посвящается маме

Цветы, уют, твоя рука,
Стихов листающая томик.
Как это просто все, пока
Со мною движется бок о бок.
И буднично звучат слова,
Привычны все твои заботы.
Я знаю все, чем ты жива.
Но значит ли, что знаю, кто ты?

О, связей родственных тупик,
Зацикленность на ежедневном,
Обыденности жесткий лик,
И быт общений, ставший пленом!
Окаменевшие черты
Знакомых, но давно не близких,
Слагают царство обелисков.
А я хочу туда, где ты,
Чтоб головою к голове,
Прищурясь, сквозь росы обломок,
В чьей призме слиты мать, ребенок,
Владеть вселенными в траве.

Наверное, это и есть самая большая близость — слушать мир на одной волне. Это то, что делает дом — Домом, невзирая на перемену места и образа жизни.

Перемена места — что перемена погоды.
Переживаешь не перелет или переезд.
Переоценка бывшего — вот роды,
Которыми завершается собственный арест.
Это — внутреннее преодоление пространства,
Как движение к Шамбале или Исход,
Или переход из язычества в Христианство,
Или наоборот.
Это путь растения
От озерной кувшинки до Лотоса,
Путь сомнения —
От клокога крови до Голоса,
Путь свершения —
От "аз-буки-веди" до Логоса.

Пенсильвания, США